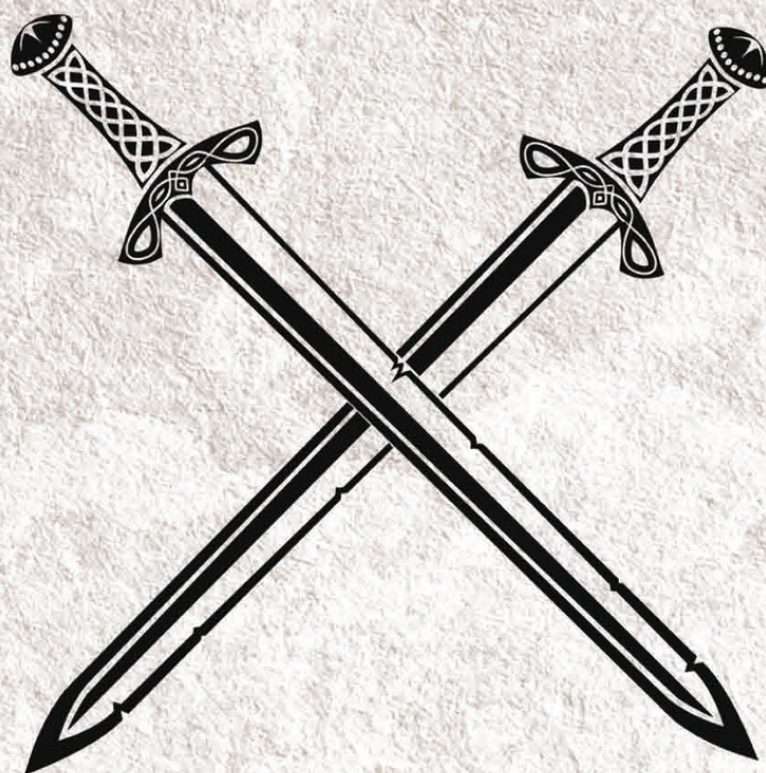

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МАРИНА АЛЕКСАНДРОВА
КОРНИ ЗЕМЛИ

ОТЦЕУБИЙЦА

РАССЛЕДОВАНИЕ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

Корни земли

Марина Александрова

Отцеубийца

«Научная книга»

Александрова М. Г.

Отцеубийца / М. Г. Александрова — «Научная книга»,
— (Корни земли)

Кольцо странника, словно жестокий владыка, продолжает калечить судьбы людей, которым довелось надеть это зловещее украшение. Кто сможет остановить цепь смертей и предательств?

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	22
ГЛАВА 4	27
ГЛАВА 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Марина АЛЕКСАНДРОВА

ОТЦЕУБИЙЦА

ПРОЛОГ

Легенда о перстне

В давние времена в славном городе Константинополе жил некий ювелир. История не сохранила имени его, но известно, что равных этому мастеру не было во всей Византии. Самые прекрасные женщины почитали за честь носить украшения, изготовленные ювелиром, и сам император не раз обращался к нему, заказывая то одну безделушку, то другую. Деньги рекой текли в карман к ювелиру, и всего у него было в достатке. Не было одного – семьи. Жил мастер затворником, а годы шли и шли, и молодость уходила. Но однажды в его мастерскую пришла молодая девушка, желавшая заказать себе скромное украшение. Спокойно выслушал мастер ее просьбу, но когда девушка сняла покрывало, чтобы рассмотреть образцы – какое ангельское личико открылось его потрясенному взору! Гостья была прелестна, обворожительна, безупречная гармония сияла во всей ее фигуре, в каждом движении, голубые глаза искрились, как алмазы, а локоны блестели, как расплавленное золото. Ей нельзя было дать более пятнадцати лет. Улыбкой неизъяснимой прелести пленила она ювелира, и тот запыхал страстью, как безрассудный юнец. И – о чудо! – она ответила ему столь же пылкими чувствами.

Ничего не зная о своей избраннице, ювелир поспешил со свадьбой, ибо препятствий к ней не было. Только после того, как Господь соединил их навеки, несчастному мастеру раскрылся характер его супруги. Под ангельской оболочкой скрывался дьявольский нрав, но ювелир продолжал любить свою супругу.

Он терпел и прощал все ее злобные выходки, решив со смирением нести свой крест и на зло отвечать добром.

Время шло, ювелир проводил дни в трудах и заботах, а его молодая жена, предоставленная самой себе – в блаженной праздности. Святые обеты были нарушены ею с первого же дня брака – не стала она опорой и помощью своему супругу, но ежечасно отравляла ему жизнь.

Лишь одним смогла она порадовать мужа – вестью о своей беременности. Ювелир, будучи уже человеком преклонных лет, не смел и надеяться на такое счастье, потому был сам не свой от радости. Кроме того, полагал он, что рождение ребенка смягчит нрав его супруги.

В положенный срок жена разрешилась чудесной девочкой, и семейная жизнь нашего героя стала понемногу входить в спокойное русло. Конечно, жена ювелира не стала образцом добродетели, но присутствие невинного младенца удерживало ее от злобных выходок.

Как-то раз жена попросила ювелира отпустить ее погостить у родителей. Добрый муж, который ни в чем не препятствовал своей супруге, с радостью согласился. С той поры такие поездки вошли в обычай. Каждый год жена уезжала на несколько дней, и возвращалась такой довольной, что даже с супругом обращалась почти ласково.

Одно огорчало доброго ювелира – ни разу жена не взяла с собой дочь. Однако она указала ему причины такого поведения – отец ее, говорила она, не может смириться с тем, что на свет появилась девочка, а не мальчик, наследник, и потому и не желает видеть внучку.

Ювелир слепо верил всем словам супруги, и невдомек было ему, что не к родителям ездит его обожаемая супруга. Увы! Она погубила свою бессмертную душу, связавшись с врагом рода человеческого, и каждый год отлучалась из дома, чтобы присутствовать на богопротивных Черных Мессах.

Дочь подросла и стала такой же красивой, как мать, и доброй, как отец. Душа ее была чиста и невинна, как у настоящего ангела, сошедшего с небес на грешную землю.

Всякий раз, когда мать готовилась к отъезду, дочь просила взять ее с собой. И как-то раз она согласилась...

На этот раз поездка затянулась немного дольше, чем обычно. Через месяц к ювелиру вернулась жена и, проливая притворные слезы, сказала ему, что их единственная дочь скончалась у родственников от лихорадки.

Ювелир был безутешен, но ни на минуту не усомнился в правдивости слов жены, только лишь изъявил желание как можно скорее посетить могилу дочери. Жена не сопротивлялась открыто, но каждый раз находила все новые поводы для того, чтобы отложить поездку.

Наконец ювелир заподозрил неладное, и, не сказав жене ни слова, уехал к ее родителям один. Каково же было его недоумение, когда он обнаружил, что родители жены скончались несколько лет назад. Сначала он не поверил этому, но сам посетил кладбище и нашел их могилы. Могилы же дочери ему найти так и не удалось.

Вернувшись домой, ювелир не сказал жене ни слова о том, где он был и что обнаружил. Та, испугавшаяся сначала, постепенно успокоилась и пришла к выводу, что ее супруг ездил по каким-то своим делам.

Но с того дня ей больше не удавалось обмануть бдительность мужа. Куда бы она ни шла, что бы ни делала – за ней следили его глаза. Когда же она в очередной раз собралась погостить у родителей, ювелир сказался больным и не поехал с ней. Жена с легким сердцем уехала, а он тайно последовал за ней, стремясь докопаться до разгадки зловещей тайны.

Как тень следовал он за вероломной женой, и видел тот адский притон, где служили мессу, видел окровавленный алтарь, и волосы зашевелились у него на голове – он понял, что дочь его была принесена в жертву Сатане.

Но в этот раз нечистый не получил своей добычи. Черная месса была прервана в самом разгаре – ювелир собрал многих вооруженных людей и священников. Все участники дьявольской секты были преданы пытке и смерти, а жена ювелира была признана одержимой дьяволом.

В уединенном монастыре был произведен обряд экзорцизма.

Несколько суток подряд над одержимой читались молитвы, пока дьявол не покинул ее тело. Несчастная успела покаяться и причаститься, после чего с миром скончалась.

Отпускать демона бродить по земле было бы весьма неосмотрительно, но погубить его было невозможно. Потому монахи решили заточить демона, чтобы не мог он навредить людям. Для этого ювелир изготовил кольцо – простой серебряный перстень с черным опалом. В него-то стараниями монахов и был загнан демон.

Но могущество духа тьмы было столь велико, что и из недр камня мог он строить свои козни. Монахи, опасаясь грядущих бед, наложили на него несколько заклятий и отчасти уменьшили его силу.

Результат был таков: демон, заключенный в перстне, будет помогать своему хозяину (а именно ювелиру, всем его родственникам и потомкам), пока хозяин его не совершит три преступления. После этого чары заклятья рухнут, и демон волен будет расправиться с владельцем перстня, и ничто не сможет ему помешать.

Для того чтобы попасть под губительную власть демона, хозяину достаточно было совершить следующие преступления: стать виновником смерти женщины, содейть грех лжесвидетельствования и заставить голодать ребенка.

Монахи не думали, что перстень еще когда-нибудь окажется в руках кого-нибудь из мирских людей, ибо мастер, потеряв свою семью, остался в монастыре и в скором времени постригся в монахи. Кольцо он всегда носил на среднем пальце правой руки, как вечное напоминание о собственной неосмотрительности и проистекшем от нее несчастье. Он завещал

похоронить зловещее кольцо вместе с ним, тем самым навсегда избавив людей от напасти, но судьба распорядилась иначе.

Ювелир и в монастыре не оставил своего ремесла. Вскоре при его участии монастырь разбогател и процвел, а самого монаха-мастера стали приглашать в другие обители с тем, чтобы он украсил их плодами своего труда.

Однажды мастер отправился по своим делам в соседний монастырь. По пути на него напали разбойники. Ювелира убили, сняли с шеи золотой крест, а с пальца – дешевое серебряное кольцо с черным опалом. С тех пор проклятый камень начал странствовать по свету, принося добродетельным людям удачу, а грешным – горе и смерть.

ГЛАВА 1

Июль 1235 года.

День, впрочем, как и все лето, выдался жарким. Солнце еще не поднялось в зенит, а зной уже стоял невыносимый. Вся живность попряталась в укромные уголки, дабы избежать палящих лучей солнца, и только куры как ни в чем не бывало разгребали лапами пыль, отыскивая в ней зернышки, да еще стрижи черкали крыльями бездонное небо.

Роман сидел на крылечке рядом с дедом Макаром, который старательно вырезал из куска дерева забавную игрушку для своего любимца. Дед Макар был молчалив и не улыбочив, но Роман знал его всю жизнь и успел убедиться в том, что под кажущейся суровостью скрывается доброта.

Было очень тихо. Казалось, что все живое вымерло от зноя. Из дома иногда доносились звуки, свидетельствующие о том, что прислуга занимается хлопотами по дому.

В то время семья Романа была еще довольно богата. Отец его некогда служил у князя в дружине, но в одной из стычек с половцами он потерял руку и теперь к воинской службе был не пригоден. Поэтому семейство переехало в отцовский небольшой надел, состоящий из маленького селения, которое, однако, полностью обеспечивало невеликую их семью.

Жизни в городе Роман и не помнил вовсе. Когда стали жить они в деревне, был он еще сущим младенцем. И не было у Романа иного дома, кроме этого рубленого из смолистой сосны невеликого, но уютного жилища, за окном которого день и ночь полоскали в прозрачном воздухе свои ветви плакучие ивы и тихо шелестели рябины.

Плохо было только то, что отец, став калекой, впал в уныние и запил горькую. Он и раньше-то не был особенно ласков с матерью, теперь же ей не стало от отца никакого спасения. Как только отец напивался, а случалось это почти каждый день, он начинал хаять мать и, всегда найдя повод для расправы, таскал ее за косы. Мать кричала истошно, но некому было прийти бедной женщине на помощь. Так уж повелось – муж – князь и господин, и волен делать с супругою своею все, что только душа его пожелает.

Роман, как только подрос и стал понимать, что к чему, каждый раз кидался мать защищать и не единожды бывал отшвырнут в угол, как напроказившая собачонка. За это неуместное заступничество недолюбливал отец собственного сына, хотя в редкие трезвые минуты бывал с ним ласков.

Роман же, напротив, смотрел на отца волчонком и не питал к нему никаких нежных чувств. Зато мать он любил всей душой и готов был сделать все, что угодно, лишь бы она была счастлива. Вот только сделать он почитай что и не мог ничего...

Время шло, отец пил все сильнее, и мать плакала все чаще. Теперь уж отец нашел за супругою своею неоспоримую вину. Заключалась она в том, что, кроме Романа, не родила супруга более ни одного ребенка. Мать плакала пуще прежнего, но ничего не могла возразить супругу, и потому не искала от него защиты...

Вот и сейчас из-за дверей дома слышался горький, захлебывающийся плач и причитания. Роман поднялся с крылечка и опрометью кинулся внутрь дома. Посреди горницы стоял отец, и по тому, как он пошатывался, ясно было, что он хмелен.

Мать забилась в дальний угол и заливалась слезами. Платок ее сбился на плечи, волосы растрепались и жалкими прядями свисали вдоль покрасневшего от слез лица. Увидев сына, она вздрогнула всем телом и замахала рукой, отсылая его вон.

Но Роман видел багровое пятно на материнской щеке, видел и кровоточащую царапину на левом виске, и не собирался уходить. Ярость всколыхнулась в нем. Он кинулся к матери, заслонил ее и отважно взглянул в лицо отцу.

Павел был сильно пьян, но соображение еще не оставило его. Увидев сына, он изумился – вздернул кустистые брови. Чаще всего, заслышав плач матери и пьяную брань отца, отрок забивался в самый укромный уголок терема, и долго не решался выйти оттуда.

Неожиданная помеха в расправе с женой еще больше разгневала отца.

– Поди прочь, гаденыш! – рявкнул отец и добавил еще несколько бранных слов.

Роман не ответил, но и с места не двинулся. Так и стоял, широко расставив ноги и уперев руки в бока. В той же позе стоял против него отец.

– Кому говорят? Ну, беги, а то и тебе достанется, щенок!

Роман снова ничего не ответил. Тогда отец, не долго думая, схватил парнишку за шиворот и со всей силы швырнул в дальний угол.

Все потемнело в глазах у Романа. Чувство было такое, будто вышибли из него дух, перед глазами поплыли радужные круги, и разум на миг застлало туманом. На некоторое время он впал в беспамятство, а придя в себя, увидел, что отец продолжает мучить мать.

Дикая злоба зародилась в сердце мальчишки. Раньше он, как ни боялся отца, но и помыслить не мог ему зло причинить. Теперь же накипевшая ярость прорвалась наружу. Роман вскочил на ноги и после мгновенного раздумья со всех ног кинулся в поварню. Там нашел он длинный острый нож и с ним уж вернулся в горницу. Не раздумывая более ни секунды, он бросился на отца. Не имея полного понятия о том, что делает, размахнулся Роман и со всей силы ударил отца ножом в бок. Острое лезвие вошло глубоко, плоть была невеликим препятствием для наточенного железа, и тотчас на рубaxe начало расплываться ярко-красное кровавое пятно.

Отец, почувствовав острую боль, развернулся, желая было накинуться на наглого щенка. Увидел свой вспоротый бок и торчащий оттуда нож и замер в ужасе, а потом начал медленно оседать на пол.

Мать перестала плакать и со страхом взидала на происходящее. Когда отец с тяжелым стуком повалился на пол и замер недвижим, мать набралась смелости покинуть свой угол и подойти к нему. Отец был жив, хотя опытный лекарь, определив рану, сказал бы, что он наверняка не жилец.

Отец тем временем открыл глаза, в которых в кои-то веки ярость сменилась вполне человеческими чувствами. С трудом подняв мгновенно ослабевшую руку, он дотронулся ею до растрепавшихся материнных волос. Она вздрогнула от прикосновения этой руки, которая в последнее время не сулила ей ничего, кроме мук, но не отстранилась.

– Вот и все, – прошептал отец, и Роман с ужасом заметил, что с губ его закапала кровь, – конец мне пришел...

– Что ты, что ты, – запричитала мать, – на кого ж ты нас покинешь?

– Да давно уж пора! И так я зажился, – слабо улыбнулся отец. – Это ж надо! Сын, родная кровь... Отца... Родителя...

– Что ж теперь будет-то, – продолжала стонать мать, – ведь пропадем мы! Как есть пропадем!

– Ничего, у тебя защитник вон ведь какой растет, – криво усмехнулся отец.

Тем временем на крики и плач в горницу сбежалась немногочисленная дворня. Слуги столпились возле дверей, в немом страхе наблюдая за происходящим. Какая-то служанка начала рыдать в голос, за ней начали причитать и выть остальные. Словно вступая в поминальный хор, завыл в трубе ветер.

– Ну, чего расшумелись, глупые бабы? – глухим голосом спросил умирающий. – Пошли бы вон отсюда, да поскорее... Повыть еще успеете. – А ты, вот что, – обратился он к жене. – Позови, пока не поздно, мужа судейского. А то, как помру, мальчонку-то засудят...

Истекающего кровью отца перенесли в опочивальню. Позвали знахарку, жившую неподалеку. Кровь та остановила, но по скорбному выражению морщинистого лица ее было ясно,

что не оправится раненый, с минуты на минуту отойдет в мир иной. Не мешкая, мать послала слугу за судьейским в город.

Потянулись тягостные часы ожидания. Отцу становилось все хуже. Временами он впадал в беспамятство и бредил прошлыми военными походами, крича что-то глухо и неясно, отчего на губах его то и дело выступали и лопались кровавые пузыри. Приходя в себя, каждый раз спрашивал слабым голосом у не отходящей от его одра матери, не приехал ли судейский. Мать только качала головой и, как могла, пыталась облегчить его страдания.

День уже клонился к вечеру, и бедная женщина потеряла всякую надежду. Отец все реже приходил в себя, все глуше стонал и бредил. Почти не оставалось сомнений в том, что он не доживет до утра.

Роман, всеми забытый, все это время просидел на сеновале, предаваясь невеселым думам. Его почти не мучили ни стыд, ни чувство вины, если и было ему кого жалко, то только мать. Роман даже и подумать не мог, что будет она так убиваться по своему мучителю. Был еще страх перед той расплатой, что теперь его, отцеубийцу, ожидает. Но несмотря на ужас, который охватывал мальчишку при мысли о скором возмездии, размышлял он, что будь у него выбор, он все равно сделал бы то же самое.

Роман и сам пугался своих мыслей, но внутренний голос вновь и вновь повторял ему, что всякое зло должно быть наказано, а в том, что отец зла сотворил предостаточно, никаких сомнений у отрока не было.

Роман первый услышал в предвечерней тишине топот конских копыт. Потом залаял Пят – огромный рыжий цепной пес. Залаял залиvisto, звонко. Так он встречал лишь незнакомых людей. Раздался скрип отворяемых ворот. То в неурочный вечерний час приехал долгожданный судейский.

Роман тихонько слез с сеновала и крадучись пробрался в сени, откуда было слышно все, что происходило в передних покоях дома.

Судейский оказался немолодым уже человеком маленького роста с лицом, напоминающим мордочку хитрого зверька. Он неспешно слез с коня и направился к крыльцу. Навстречу ему выбежала мать.

– Слава Богу, – только и смогла сказать она и повела невозмутимого судейского в опочивальню.

Через краткий промежуток времени она вышла оттуда и, пав на колени перед иконами, начала с жаром молиться. Роман, перебравшийся к тому времени поближе к горнице и подглядывающий за происходящим в щель, некоторое время наблюдал за матерью с каким-то странным безразличием. Потом словно перевернулось у него что-то в груди, и он, вбежав в горницу, рухнул на колени возле матери. Мать, заметив сына, потянулась к нему и, прижав его голову к своей груди, заговорила жарким быстрым шепотом:

– Помолись, помолись, сыне, Господу нашему и Пресвятой Богородице, чтобы простили они тебе великий твой грех! Помолись, и, может, кара Божья не обрушится на твою неразумную голову!

Слезы брызнули из глаз Романа и потекли по щекам. Он принялся вместе с матерью творить молитву, отбивая поклоны и шепча святые слова непослушными губами. Но не за себя молился Роман. Не искупления грехов просил он у Бога. Просил он за мать свою, чтобы не стала она еще несчастнее, чем прежде, и за столь нелюбимого отца, от всего чистого своего сердца желая ему добра и прося у Господа успокоения его грешной душе.

Неизвестно, что происходило в опочивальне, ни звука не доносилось из-за крепкой дубовой двери, но вот она отворилась. Судейский вышел из опочивальни спокойным и благодушным.

– Думаю, хозяйка, что волноваться вам не о чем, – сказал он, уловив в материнских глазах немой вопрос. – И хотя дело темное, супруг ваш предоставил мне веские доказательства к тому, что никто в нынешнем плачевном состоянии вашего мужа не повинен, кроме него самого.

Мать стояла тихо и только кивала головой. Слезы стояли в ее глазах, и грудь тяжело вздымалась и опадала.

– Ну, а теперь мне пора. Уже поздно, а еще до города путь неблизкий предстоит, – подытожил судейский и направился к выходу. Вскоре послышался дробный перестук копыт его коня.

Как только судейский покинул дом, мать бросилась в опочивальню, откуда и не выходила до середины ночи.

Роман забыл про сон и еду. Он сидел на лавке в самом темном углу горницы и только одна мысль свербила его мозг: «Что такого сказал отец судейскому? Отчего не сочли его, Романа виновным?» Но ответов на вопросы не было, сколько отрок ни ломал себе голову.

В доме повисла тягостная тишина, хотя никто не спал. Все слуги собрались на кухне, где перешептывались, обсуждая произошедшее и гадая о будущем хозяина, хозяйки, да и их самих. Мать так и не выходила из опочивальни, только кликала раз или два девку, чтобы та принесла воды да свечей.

Роман еще долго сидел в своем углу, таращась невидящими глазами на строгие лики икон, освещенные тусклым светом лампы, и сам не заметил, как задремал. Проснулся он оттого, что хлопнула дверь. Посмотрев в окно, Роман понял, что проспал довольно долго, потому что на улице уже брезжил серенький рассвет. Тем временем в горницу вошла мать. Лицо ее было бледно, под глазами залегли темные круги, весь вид ее был воплощением скорби.

– Иди, отец зовет тебя проститься, – сказала она Роману, и он увидел, как по щекам ее заструились слезы.

Роман подошел к тяжелой дубовой двери родительской опочивальни и почувствовал, что не может открыть ее и переступить порог, до того ему вдруг сделалось страшно. Что увидит он там? Как посмотрит в глаза отцу, родному человеку, который находится теперь одной ногою уже в могиле, и все по его вине? Как сможет он жить с этим жутким чувством вины потом, когда отца не станет? А в том, что он умрет, Роман почти не сомневался.

Долго простоял Роман перед дверью, собираясь с силами, но, наконец, толкнул ее и вошел в опочивальню. Там было темно, лишь огарок свечи догорал на столе. В воздухе витал непонятный, тяжелый запах. Потом, когда Роман повзрослеет и ему придется не раз находиться рядом с погибающими людьми, он узнает, что это запах смерти, необратимости, конца... Пока что Роман лишь чувствовал, что его мутит, и голова наливается свинцовой тяжестью.

Отец лежал на широком супружеском ложе, и дыхание с хрипом вырывалось из его груди. Роман подошел поближе и изумился тому, как изменился отец. За несколько часов этот сильный, здоровый, крепкий еще человек превратился в настоящего старика. Глаза его глубоко запали, восковая кожа обтянула кости лица, так что нос стал неестественно тонким, а скулы острыми. Если бы не тяжело вздымающаяся грудь и страшное прерывистое дыхание, можно было подумать, что этот человек уже мертв.

Но вот отец открыл глаза. Они были тусклыми, и не осталось в них блеска жизни.

– Подойди ближе, – прохрипел отец.

Роман послушно приблизился, хотя ноги плохо подчинялись ему, и для того, чтобы передвинуть их, Роману пришлось напрячь все силы. Краткий путь от двери до ложа Роман будет помнить как самую длинную дорогу в своей жизни.

– Что ж, видно пора прощаться, сын...

– Не говори так, отец! Бог даст, ты еще поправишься, – пролепетал Роман, хотя и сам-то не верил в то, что говорил.

– Да уж, как же! – криво усмехнулся отец и тут же поморщился от боли. – Рука-то у тебя крепкая...

– Я не хотел... То есть я не мог... Я...

– Не оправдывайся, – сурово оборвал его отец, приподнявшись на локтях. – Что бы ты ни сделал, прав ли ты был или неправ, никогда не оправдывайся. Это не достойно мужчины. – Силы изменили ему, и он рухнул на подушку. – Я не виню тебя, – продолжил он совсем слабым голосом. – Я сам виноват – жил не по правде, сам себя позабыл. А уж коли ты виноват, то Бог тебе судья, а не я. – Отец вздохнул и вновь застонал от боли, – да я не для того тебя позвал. Мне сказать тебе надо...

– Что, отец? – переспросил Роман. – Чего прикажешь?

– Приказать не прикажу... Но есть у меня последняя к тебе просьба... Ты вот что... Мне мой отец рассказывал, а ему... его... Был в семье перстень – талисман. Приносил он счастье и богатство невиданное... Передавали его из поколения в поколение от отца к старшему сыну, и в конце концов ушел он из семьи, а с ним и счастье и удача ушли... Ты найди перстенок... Он у кого-то из наших родичей... Как мне отец сказывал – в земле Новгородской... Обретешь перстень – получишь и блага земные, и власть над людьми...

– Да как же я узнаю его, как найду? – удивленно воскликнул Роман, не принимая еще всерьез услышанное.

– Я скажу тебе... Сам никогда не видел, но как выглядит – знаю. Перстень большой, серебряный, камень в нем ничем не примечательный – серый, как небо осеннее.

– Отец! Сотни таких перстней на свете белом! Разве сыскать мне его?

– Если ты его увидишь, то сразу поймешь, что это он и есть... Огонь в нем горит немеркнущий, да только никто из чужих его не видит... Лишь те, у кого в жилах кровь старого варяга течет, то пламя в камне заметить могут...

Отец так разгорячился, что забыл на время о своей смертельной ране. Глаза его заблестели, и щеки будто даже окрасились слегка бледным румянцем. Словно неведомая сила вселилась в этого человека и не отпускала до тех пор, пока не передаст он своему потомку нужные слова.

– Кто такой старый варяг, отец? – спросил Роман. Спросил не потому, что ему было так уж интересно это узнать, а потому, что видел он, что, говоря о перстне, отец будто оживает, и новые силы вливаются в его ставшее немощным тело.

– Старый варяг – это твой пращур, сын... Прибыл он на Русь с дружиной самого Рюрика. Да так на Руси и остался... Привез он собой перстень заговоренный... Благодаря ему, не было переводу казне варяга... Был он знатным, уважаемым человеком... И потомки его тоже немалыми людьми стали...

– Отец, сколько уж лет прошло, видать, с тех пор, как затерялось кольцо. Верно, давно оно у чужих людей, – воскликнул Роман. – А ежели так, то ввек не сыскать мне его.

– В том-то и дело, сын, не уходит перстень надолго из семьи. Коли попадает к чужим людям, то, так или иначе, обратно возвращается... Был я молод – искал его, да не судьба была найти... Узнал даже имя владельца, да отбыл он в далекие страны заморские... Но ты поезжай в Новгород, чует мое сердце, что там перстень заветный...

– Как же, отец? Как я поеду туда? Как мать брошу, да и даль какая великая!

– А я и не сейчас тебя посылаю... Подрастешь, тогда в странствие и пустишься... – прохрипел отец. Силы его вновь стали убывать, и лицо приобрело прежний мертвенный цвет. – А теперь, сын, подай икону, я тебя благославляю... – Добавил он.

Роман прошел в угол опочивальни, где висела старинная икона Богородицы византийского письма, и, сняв ее со стены, подал отцу. Тот перехватил ее и чуть не выронил из совсем ослабевших рук. На то, чтобы приподняться, у отца сил уже не было, и он попросил Романа склониться над ним.

Благословив сына, отец вернул ему икону и утомленно откинулся на подушки. Видно было, что это усилие совсем подточило его силы.

– Ступай, сын. И помни, что я хотел, чтобы ты вырос достойным человеком...

Роман почувствовал, как к глазам его поступают горячие, жгучие слезы, а в горле застрял комок. Он послушно направился к двери, но голос отца вернул его с полпути.

– погоди... сын.. Я тебе... еще сказать... должен... – торопливо заговорил умирающий прерывающимся голосом. – Перстень этот... на нем заклатье... отец говорил... Не греши... Нельзя... Погибнешь... – Тут силы совершенно покинули отца, и он впал в забытие.

Роман пулей выскочил из опочивальни и побежал разыскивать мать. В ушах его все еще звучал шепот отца: «Не греши! Нельзя! Погибнешь! Не греши! Нельзя!»

Словно молитву, повторял про себя Роман те слова, мечась по темным покоем в поисках невесты куда запропастившейся матери, и казалось ему, что какая-то жуткая угроза нависла над ним, и нет от нее ни спасения, ни пощады.

Павел, бывший дружинник князя Мстислава, скончался тем же утром, когда первые лучи восходящего солнца озарили мир. Его похоронили, по христианскому обычаю, на третий день, на маленьком деревенском кладбище. Мать Романа была безутешна – словно и не было в ее жизни тех тяжелых лет, что прожила она с этим суровым, безжалостным человеком, словно не терпела она от него великих мук. Она не обвиняла ни в чем своего сына – словно отец погиб от собственной руки, как было сказано судейскому. Роман узнал об этом позже, и с недетской серьезностью подумал, что так оно и есть. Если бы отец не пил, если бы не поднимал руки на свою безропотную жену – разве ожесточилось бы сердце его сына? Да и теперь мать не слишком-то тосковала по супругу – просто молодой, здоровой женщине тягостно было вдовство.

Со временем она совсем пришла в себя. В доме снова начал звучать ее звонкий голос, она даже научилась смеяться – Роман и забыл уже, когда слышал материнский смех последний раз. А тут он начал замечать, что мать становится веселее день ото дня – на щеках заиграл румянец, стан округлился, и даже глаза заблестели совсем по-молодому. Такая резкая перемена в матери не могла не удивлять отрока.

Однажды, поймав на себе пристальный взгляд сына, Дарья подозвала его к себе и, потрепав непослушные вихры, улыбнулась.

– Что смотришь неласково, сынок? – с некой затаенной нежностью спросила она, погладив его по голове. – Радость ведь у нас. Отец твой, покойник, оставил мне на память подарочек! Так что, Бог даст, к весне будет у тебя братик или сестричка.

Роман некоторое время не мог понять, о чем это таком мать говорит. Когда же дошло до него, он не на шутку испугался. И страх этот мучил Романа еще долгое время. Рождение ребенка представлялось ему чем-то по-настоящему страшным. А вдруг мать помрет от родов, и останется он, Роман, один-одинешенек на всем белом свете? Как тогда жить, что делать?

Лето сменилось осенью, за ней пришла, принесла с собой снега и морозы, зима. Мать была по-прежнему весела и довольна. А Роман старался встречаться с ней как можно реже. Огромный материнский живот наводил на него дрожь, и страх с новой силой овладевал отроком.

Март 1236 года.

Все кончилось в начале весны, когда матери внезапно стало плохо, и она, крикнув служанку, послала ее за повитухой. Бабка не заставила себя долго ждать, и вскоре уже заперлась в опочивальне, куда прежде удалилась мать.

Роман не находил себе места. Сперва он сидел в доме, но, не в силах слышать доносящихся из опочивальни криков и стонов, выскочил на двор.

Промотавшись там несколько часов, он вернулся обратно в надежде, что уже все кончилось, но крики стали еще более душераздирающими. На улицу Роман больше не пошел – там

было холодно и ветрено. Он иззяб до костей, и, казалось, уже никогда не согреется. Роман вбежал в свою опочивальню, повалился на постель, зажал уши руками. Крики стали слышны меньше, но все равно каждый стон словно когтями терзал душу отрока.

Где-то в середине ночи вопли стали уж совсем невыносимыми, и у Романа не осталось никаких сомнений в том, что предстоит ему остаться круглым сиротой. Однако через некоторое время крики матери смолкли, а вместо них раздался истошный детский плач. Прошло еще некоторое время, и стоны возобновились. Потом же началось вовсе какое-то светопредставление. Роману показалось, что он сошел с ума, так как детский плач, казалось, раздвоился и раздавался с невероятной силой.

Не в силах более выносить неизвестность, отрок выскочил из комнаты и побежал в сторону материнской опочивальни, откуда доносился громкий, торжествующий детский плач.

Он без стука отворил дверь и влетел в комнату. Увиденное ошеломило его. Мать лежала на постели, прикрытая покрывалом, и мирно спала, а рядом суежилась бабка-повитуха с двумя младенцами на руках.

Едва глянув на вошедшего Романа, бабка кивнула на младенцев и сказала:

– Ну, что, малец, мамка-то твоя расстаралась – братишку да сестренку тебе принесла.

– Как, сразу двоих? – тихо переспросил Роман, не отводя взгляда от крошечных краснотлицых младенцев, которые яростно извивались в крепких руках повитухи, никак не желая успокоиться.

– Да уж, вот что значит судьба, – покачала головой старуха. – Теперь тяжело вам придется без отца-то! Ты ведь за старшего будешь.

Роман не сразу осознал груз ответственности, легший на его еще детские плечи. То, что он стал главой семьи, Роман понял только тогда, когда мать начала советоваться с ним в разных делах. И то, что он, отрок, на правах взрослого высказывает свое мнение и решает вопросы, невероятно льстило самолюбию Романа.

Сам того не сознавая, Роман старался походить на своего покойного отца. Он и внешне становился похожим на него. Мать видела это, и порой, при взгляде на сына, при разговоре с ним, бледнела, и лицо ее приобретало прежнее, усталое и затравленное выражение.

Однако ж Роман, конечно, не был копией отца своего. Он был много мягче и покладистей. Не чувствовалось в нем той напористой грубости и разгульной жестокости. Но еще очень юн был новый хозяин, и никто не мог бы сказать, каким он станет, когда достигнет возраста своего отца. Случается так, что горечь ошибок и неудач озлобляет даже самых кротких...

Брата с сестрой первое время Роман почти и не видел, да и не стремился. Потом, когда они подрастут, с ними можно будет играть, особенно с братцем, а пока – что интересного в двух ревущих без конца человечках? А рев их приходилось слушать частенько. Под него Роман засыпал и под него просыпался. Изредка он видел, как нянька или мать проносят куда-то два туго спеленутых кулька, но особого интереса к младенцам несмысленным не проявлял. Заметил только, что с их появлением мать стала меньше обращать на него внимание, и оттого даже ревновал.

Однако время шло, младенцы подрастали, и вскоре дом наполнился их агуканьем, визгом и смехом. Это были на редкость дружные малыши. Как это всегда и бывает с близнецами, они были неразлучны, их всегда посещали одни и те же желания и помыслы.

Чем взрослее становились они, тем больше любил их Роман. Теперь он уже чувствовал себя частью большой семьи, где в нем нуждаются, где его любят. Оба они, и сестра, и брат, были вылитые мать, с покойным отцом не было у них ни малейшего сходства. Наверно, оттого мать и носилась с ними, как курица-наседка со своими желторотыми цыплятами.

Жизнь в деревне шла своим чередом. Семья по-прежнему ни в чем не нуждалась. Роман привык к плавному течению жизни и думал, что уже ничто не сможет поколебать ее устоявшийся, размеренный ход.

ГЛАВА 2

Январь 1238 года.

Роман ошибся. Прошло два года, и он понял, насколько непредсказуемой бывает жизнь и как круты ее неожиданные повороты.

Недавно справили веселое, шумное Рождество, только что прошло Крещение. После веселых праздников с ряжеными и колядой вновь потянулись тихие зимние дни, когда солнце недолго освещает закованную во льды и одетую в снега землю. Когда вечера длинны и коротаются за рассказыванием сказок и прочей небыльщины. Жуткие истории про вурдалаков, что выходят по ночам из своих могил, чтобы сосать кровь живых, про волков-оборотней и прочую нечисть и пугали, и забавляли мальчика.

Ничто не предвещало беды. Однако однажды Роман проснулся среди ночи от неясного гула, доносящегося с улицы. Прислушавшись, Роман различил крики, стоны, плач. Он вскочил с постели и начал в спешке одеваться. Вылетев во двор и распахнув ворота, Роман замер в оцепенении.

Дом их, поставленный в молодые годы покойным отцом, стоял на высоком холме. Как не раз говаривал отец: «Чтобы весь белый свет было видать!» Деревня же, напротив, приютилась внизу, в самой излучине реки, и видна была с холма, как на ладони.

Сейчас над деревней полыхало зарево пожара. На фоне бушующего пламени метались неясные тени. Оттуда доносились страшные крики, вопли, женский плач, топот копыт, собачий лай и визг.

Еще не разобравшись толком, что к чему, Роман бросился обратно в дом, будить слуг. Заспанные, они выползли из дому и с ужасом взирали на происходящее внизу. От поднявшейся суматохи проснулась и мать Романа. Оставив близняшек мирно посапывать в колыбельках, спустилась вниз и остановилась, обомлев.

– Помочь им надо, сыне, – наконец проговорила она, обращаясь к Роману. – Вся ведь деревня погорит – как есть вся! Пошлю-ка я холопов – лишние руки им там никак не помешают.

Слуги, не мешкая, начали спускаться с холма. Роман двинулся за ними следом.

– А ты куда? – вскричала мать.

– Я тоже пособлю, – ответил Роман и продолжил свой путь.

– Не пуцу! Сгоришь ведь! – завывала мать, хватая Романа за руку.

– Не сгорю, – буркнул Роман, вырываясь из цепких материнских рук. – Пусти, не маленький я!

Тем временем фигуры слуг уже растаяли в густой темноте, озаренной лишь багровым заревом пожара.

Роман едва вырвался из цепких рук матери и зашагал в сторону горящей деревни. Дарья осталась стоять возле ворот, прижав руки к груди и глядя вслед удаляющемуся сыну сквозь горячие слезы, застилавшие глаза.

Роман лишь наполовину спустился с холма, когда путь ему внезапно преградила чья-то неясная тень.

– Кто тут? – крикнул Роман.

– Не шуми, отрок, беду накличешь! – послышался в ответ старческий голос.

– Дед Макар, ты? Что ты здесь шастаешь, ровно тать какой? – удивился Роман.

Тень приблизилась, и в отсветах пляшущего внизу огня стали различимы черты дедова лица. Роман испугался, увидев, что лоб деда Макара пересекает неглубокая рваная рана, из которой тоненькой струйкой стекает на лицо кровь. Гримаса боли исказила знакомые с детства

черты, и в неверном свете дед Макар стал похож на одного из тех вурдалаков, про которых сам он не единожды рассказывал Роману, коротая зимние вечера.

– Что стряслось, дед? – дрогнувшим голосом спросил Роман.

– Беда! Беда пришла, внучек! Налетели на нас проклятые вороги! Деревню пожгли, всех, кто на пути попался, поубивали! Спаслись те токмо, кто в лес убежать успел. Да немного их, ой, немного.

Старик задыхался, видно, ранен он был не только в голову, и теперь силы покидали его.

– Что ты говоришь? Какие вороги? – не в силах поверить в произошедшее, спросил Роман.

– Не знаю, какого племени. Никогда таких видеть не приходилось. На конях все, как половцы... Но не они... Глаза у них узкие, да раскосые... Сами они в чудных халатах, в руках копыя с крюками, да сабли кривые, да луки со стрелами острыми! Все, все в деревне погибли! Кто от сабли уберется, тот копьём заколот, кто копыя убежал, того стрела догнала! В темноте они ваших хором не увидели, но скоро светать начнет – и до вас доберутся.

– Что же делать теперь, дед? Мы-то думали – пожар случился в деревне, всех мужиков из дому вам на подмогу послали. Этак они прямо к врагам в руки и попадут!

– Их ты уже не спасешь. Беги в дом, собирай мать да младенцев. Бегите скорей в лес. Там укроетесь, авось и минует вас страшная участь.

– А как же ты, дед?

– Мне уж недолго осталось...

Тут только Роман заметил, что все это время дед прикрывал рукой грудь.

– Стрела в меня попала. Почитай, что насквозь прошла. Стрелу-то я выдернул, да рана, видать, смертельная.

– Все равно, пойдем со мной, дед! Негоже тебя здесь помирать одного оставлять.

– Говорю тебе, спешить надо, а со мной далеко не уйдешь, – увещевал Романа дед.

– Без тебя и с места не сдвинусь, – с непонятно откуда взявшейся твердостью ответил отрок.

Поняв, что спорить с Романом бесполезно – только драгоценные минуты упустишь, – дед Макар сердито тряхнул окровавленной, спутанной бородой и начал медленно взбираться на холм. Роман пошел следом.

Мать все еще стояла на том же месте, где оставил ее Роман, когда убежал за слугами тушить пожар. Она жадно вглядывалась вдаль и не заметила тихо подошедших деда Макара и Романа. Оттого испуганно вздрогнула, увидев вышедшие из тьмы фигуры, но поняв, кто перед ней, успокоилась.

– Что так скоро? – удивилась она, и в глазах ее засветилась радость оттого, что сын жив и здоров. – Али помощь не нужна?

– Беда, мама! Быстрее в дом беги, малышей разбуди, вещи собирай самые нужные! А я пойду слуганок подниму.

– Да что случилось-то? – не поняла мать.

– Вороги на деревню напали, мать. С рассветом к нам нагрянут, надо думать, – скороговоркой произнес Роман и метнулся в дом.

Увидев деда Макара с лицом и грудью, залитыми кровью, мать охнула, колени ее подогнулись, и она начала медленно садиться на землю.

Дед Макар, казалось, позабыл о том, что малое время назад собирался умирать от смертельных ран, проворно подскочил к Дарье и, подхватив ее на руки, бойко зашагал к дому.

Роман тем временем уже поднял на ноги всю прислугу, которая тотчас начала вязать хозяйское добро в узлы и выносить во двор. Дед Макар осторожно примостил Дарью на скамейку возле входа и опрометью кинулся в конюшню, откуда почти сразу же донеслось тревожное конское ржание.

Роман подбежал к матери. Она все еще была в беспамятстве. Роман сбегал до колодца и, принеся с собой холодной колодезной воды, брызнул ею в лицо матери. Средство оказалось верным. Дарья вздрогнула и открыла глаза.

– Что? Что случилось, сынок?

– Мама, беги за малышами. Спасаться надо, а не то поздно будет, – прокричал Роман и, не дожидаясь матери, сам побежал в дом. Дарья, совершенно уже пришедшая в себя, поспешила вслед за ним.

Близняшки, не подозревая о том, какая опасность нависла над их неразумными головами, мирно посапывали в своих колыбельках. Роман взял на руки сестренку Настю. Та проснулась и с перепугу начала громко плакать. К ней тотчас присоединился Егор. Роман стоял посреди комнаты в растерянности, не зная, как успокоить не на шутку разошедшихся детей. Но тут на помощь ему пришла мать. Подхватив Егора на руки, она устремилась к выходу, попутно стянув с ложа покрывало. Чуть помешкав, она сноровисто обернула в него младенца, после чего продолжила свой путь. Роман последовал ее примеру, схватил одеяло, закутал, как умел, Настеньку, и кинулся на двор.

К тому времени, когда Роман снова оказался во дворе, два коня, бывшие в хозяйстве, уже стояли оседланными, и к спинам их приторочены были тюки со всевозможным барахлом, которое служанки впопыхах успели собрать. Только потом станет ясно, что в суматохе-то собрали совсем не то, что нужно...

Служанок было трое – старая стряпуха Прана и две молодки, мужья которых были посланы на тушение пожара и, по всей видимости, сгинули навсегда. Видно, молодки тоже это чувствовали, потому что заливались горячими слезами.

Кто совершенно не потерял спокойствия духа, так это дед Макар. Окончательно позабыв о своей якобы смертельной ране, он всю руководил сборами, прикрикивая на урывающихся молодок и цыкая на ворчащую Прану.

– Ну, наконец-то, – сердито буркнул он, заметив Дарью и Романа, с малышами на руках выходящих из дома. – Я уж было подумал, что вы решили татей дожидаться, знакомство с ними завести. Ну, пошли, а то вот-вот рассветет, а нам еще до леса добраться нужно, – подытожил он и, взяв обоих коней под узцы, вывел их через открытые ворота.

– Дай я хоть перевяжу тебя, Макар, – догнав старика, предложила Дарья.

– Не время, того и гляди вороги нас заприметят, – отмахнулся было Макар.

– Нет, уж Макар, погоди! Куда хуже будет, коли ты совсем ослабнешь! Как мы тогда тебя потащим, – продолжала настаивать Дарья.

Ее слова возымели свое действие, и Макар остановился. Перевязка много времени не заняла, и вскоре беглецы снова двинулись в путь.

До леса было довольно далеко – нужно спуститься с холма, пройти через заснеженное поле, миновать светлую березовую рощу, в которой и спрятаться-то нельзя – голая стоит, насквозь видно. А вот за рощею уже начинается настоящий лес, в чаще которого водятся волки, лоси и кабаны. Бывало, выходил на охоту отец Романа, на веселую молодецкую забавушку... Теперь-то все иначе стало, не до веселья.

Вскоре снег под ногами стал так глубок, что для того, чтобы сделать шаг, приходилось прикладывать немалые усилия. Как раз в это время сквозь голые ветви деревьев пробились первые утренние лучи восходящего солнца и рассыпались по снегу пригоршнями разноцветных искр. Но постепенно лес становился все темнее и сумрачней. Даже сейчас, зимой, когда деревья лишились своих зеленых уборов, было заметно, как густеет лес, как сплетаются в вышине голые ветви, образуя на фоне голубого рассветного неба сплошную черную сеть.

Женщины уже начали выбиваться из сил, а дед Макар упорно шел все дальше и дальше, углубляясь в лесную чащу. Мороз был не слишком силен, но все же покалывал щеки и леденил руки. Наконец беглецы вышли на укромную полянку, затерявшуюся в лесной чащобе.

– Может, здесь остановимся? – не выдержала наконец Дарья. – Уж наверное, сюда-то вороги не доберутся! Не будут же они нас по всему лесу искать?

– Кто их знает – доберутся, али нет? – пробурчал дед, но все же остановился и начал распрягать коней, освобождать их от тяжелой поклажи.

Вскоре между деревьями весело заплясали языки костра. Дарья послала девок собрать еще хвороста, а сама принялась кормить мальцов прихваченной из дому снедью.

– Пойду я в обратный путь, – заявил вдруг дед Макар. – Надо разведать, что там и как... Да заодно и следы, нами оставленные, замету. Ежели там все спокойно, то я за вами тут же вернусь.

– Я с тобой, дед, – подал голос Роман.

– Еще не хватало! А с бабами здесь кто останется? Нет, уж, стереги тут. Сам видишь, кроме тебя, да меня, старого, мужиков, может, совсем не осталось.

Развернувшись, дед ходко зашагал назад, ступая по уже протоптаным следам. В руках у него был целый веник из прутьев, которым дед Макар старательно заметал за собою следы.

Не было деда долго. Пролетел остаток дня, наступил вечер, а о нем все не было ни слуху ни духу.

– Как бы не случилось чего со старым, – охала мать и крепче прижимала к груди всласть набегавшихся по лесу, надышавшихся свежим морозным воздухом и теперь крепко спящих детей.

Тем временем сумерки начали окутывать лес. Сразу стало страшно и тревожно. Где-то поблизости заухала сова – дуры-молодки испуганно завизжали, словно безобидная птица и есть самое страшное, что может встретиться в этой глуши!

– На ночлег устраиваться надо, госпожа, – вдруг подала голос молчавшая до сих пор стряпуха Прана. – Вернется дед или нет, а в ночь обратно мы все равно не пойдем.

– Как уж тут устроишься, – вздохнула хозяйка, – Снег кругом...

Роман огляделся по сторонам. Вокруг стеною стоял лес, но не сыскать было среди голых деревьев укромного уголка. Однако ж Роман быстро придумал, что делать. Уходя из дому, он прихватил с собой хорошо отточенный нож – мало ли что случится? А теперь и пригодился. Вон как растопырила лапы та большая ель! Из них получится настоящий шатер!

Роман начал срезать смолистые, крепко и приятно пахнущие ветви.

Отрок так увлекся своей работой, что не сразу заметил приближающуюся опасность. Спасаю он только чудом. Роман отпиливал ножом толстую, разлапистую ветвь, и как раз в тот момент, когда еловая лапа с шумом и треском повалилась в снег, подняв завесу снежной пыли, а Роман отскочил в сторону, чтобы его не зацепило, на том самом месте, где он только что стоял, как раз на уровне его шеи, взметнулся серый вихрь и ожесточенно лязгнули зубы.

Огромный, матерый волк слегка растерялся от своей неудачи, но теперь изготовился к новому прыжку, на этот раз намереваясь наверняка перехватить горло своей жертве.

Ужас сковал все члены Романа. Он стоял, не в силах пошевелиться. Волк тоже медлил, словно примериваясь, как бы половчее справиться с добычей.

Наконец, Роман вышел из оцепенения. Его начали одолевать лихорадочные мысли. Что делать? Ведь эта матерая зверюга вот-вот кинется на него и, прежде чем перегрызть горло, повалит в снег. У Романа, конечно, не хватит сил противостоять силе лесного зверя. Что же это, конец?

Тем временем волк уже был готов для прыжка. Его сухопарое тело словно состояло из одних лишь только мускулов, которые перекачивались под гладкой шкурой. Зима уже довольно помучила волка голодом, а потому ясно было, что не выпустит он по своей воле неожиданную, лакомую добычу.

Все чувства Романа были обострены до предела, может, поэтому он почувствовал, что зверь прыгает, прежде чем тот оторвал лапы от земли. Так или иначе, Роман плюхнулся в снег до того, как его тела коснулась волчья туша, и сразу же откатился вбок.

Волк, неожиданно потерявший цель, а с ней и точку опоры, неуклюже приземлился в снег совсем рядом с Романом. Оконфузившись вторично, зверь на несколько мгновений совершенно растерялся. Этим-то и воспользовался Роман, всадив остро отточенный нож в шею волка по самую рукоятку.

Зверь, получивший смертельную рану, еще сумел извернуться, и его челюсти сомкнулись на руке Романа. Однако большого вреда волк причинить уже не мог. Его челюсти потеряли прежнюю сокрушительную силу, а через несколько мгновений волк начал биться в агонии. Вскоре все было кончено.

Роман поднялся с земли и оглядел убитого им зверя. Это был воистину огромный волк – быть может, вожак своей стаи? Зубы, торчащие из его разверстой пасти, могли бы напугать и бывалого охотника. Роман до сих пор не мог поверить в то, что он, недоросль, сумел одолеть такого огромного зверя, да еще при этом остаться совершенно невредимым.

Постояв некоторое время над распростертым на окровавленном снегу волком, Роман с некоторой опаской выдернул из его горла нож и тщательно оттер с него снегом кровь. После этого он вернулся к прерванной работе, стараясь, однако, не поворачиваться к мертвому волку спиной и время от времени бросая на него косые взгляды, словно опасаясь, что волк не умер, а только притворяется и в любое мгновение может вскочить и кинуться на Романа вновь.

Когда Роман уже собирал ветви, намереваясь возвращаться к костру, позади него раздавалось приглушенное оханье. Обернувшись, Роман увидел старуху Прану, которая остановилась рядом с убитым волком. Лицо ее было искажено страхом, руками старуха прикрывала рот, словно стараясь не закричать.

Наконец она совладала с собой и подняла глаза на Романа.

– Неужто это ты его одолел? – тихо спросила старуха, глядя то на волка, то на Романа округлившимися глазами.

– Я, бабушка, только матери про то не говори, а то испугается, расплачется еще...

– Не скажу, сыне, не скажу! Только как же ты с ним справился-то? Вон какой огромный, да свирепый!

– Бог помог! Если бы не его святое заступничество, лежал бы я сейчас здесь с перегрызленным горлом!

– Да ты не ранен ли часом, сыне? – забеспокоилась старуха.

– Нет, цел и невредим, – ответил Роман. – Ну, ладно, старая, чем над зверюгой убиваться, подсобила бы мне лучше.

Старуха покорно взвалила на свои плечи добрую охапку еловых ветвей, Роман сгреб остальные, и они вместе медленно пошли назад к костру, оставив мертвого волка в сгущающихся зимних сумерках.

Мать была уже ни жива ни мертва от страха, представив себе, что с ее ненаглядным сыном произошло что-то ужасное, и он навсегда сгинул где-то в лесной чащобе, оставшись там на съедение диким зверям. Увидев сына живым и невредимым, мать, вместо того, чтобы обрадоваться, вдруг разрыдалась от пережитого волнения.

– Ну что ты, мать, – все же хорошо! – попытался успокоить ее Роман. – Посмотри, вот мы тут ветвей принесли. Сейчас шалаш сложим, тебе там удобно будет.

– Где же ты так долго был, сыне? Я уж было подумала, что с тобой что-то неладное приключилось, – все еще плача, проговорила Дарья.

– Да нет, же! Напрасны твои страхи, мать. Все со мной в порядке! Да и что могло случиться? – ответил Роман и, уловив на себе пристальный взгляд бабки Праны, подмигнул старухе. – Просто еловые ветви пилить – дело нескорое!

Шалаш получился на славу. Еловые лапы укрепили на длинных жердях, а сверху занавесили еще нашедшимися в тюках покрывалами. Внутри было тепло и уютно. Шалаш был достаточно большой для того, чтобы вместить всех. Правда, было тесновато, зато теперь не приходилось опасаться того, чтобы замерзнуть.

Пригревшись, Роман заснул, а проснулся, когда уже было светло. В шалаше остались только мирно спящие близняшки, мать же командовала служанками, хлопочущими возле вновь разожженного костра.

Роман вылез из шалаша, потянулся и подошел к костру.

– А что, дед Макар так и не вернулся? – спросил он.

– Нет, сыне! Видать, сгинул наш дед, – ответила мать.

Как раз в этот момент с той стороны, с которой пришли беглецы, донесся возглас.

– Эге-гей!

Приглядевшись, Роман заметил мелькающую среди стволов деревьев фигуру. Прошло еще немного времени, и на заснеженную поляну вышел только что похороненный матерью дед Макар.

– Ну что, как вы тут переночевали?

– Все хорошо, дед! Про нас потом расспросишь, ты лучше скажи, что там, в деревне делается? – спросила Дарья.

– А нету больше деревни, – понуро опустив голову, ответил старик. – Вся дотла выгорела, не единой избы не осталось.

– А люди-то, люди живые есть? – беспокоясь о судьбе мужа, спросила одна из молодых.

– Выходят потихоньку из лесу, – еще больше помрачнев, ответил дед. – Да только совсем немного их, живых-то, осталось.

– А Петра моего не видел ли? – вступила в разговор вторая служанка.

– Видел, как не видеть, – ответил дед.

– Что ж он с тобою не пришел?

– Ох, девонька, никуда уж боле не пойди твоему Петру. Лежит он возле бывшей Митрофаниной избы и торчит у него из сердца острая ворожья стрела, – горько ответил дед.

Молодка, потерявшая мужа, забилась в рыданиях. Вторая опасливо поглядела на деда и не стала спрашивать его о судьбе своего супруга, видать, побоялась услышать дурную весть. Она отошла в сторонку и украдкой вытирала набегающие слезы.

– А ты, красавица, не плачь! – урезонил ее старик. – Рано тебе еще плакать! Твой-то мужик жив, хотя и ранен.

– Как твои-то раны, Макар? – спросила деда Дарья.

– Болят помаленьку, но помирать пока погожу, – усмехнулся тот.

Обратный путь показался беглецам не в пример короче. Все торопились домой, тревожась о судьбе родных и близких.

Вот уже позади остался лес, промелькнула безлистая, скучная березовая роща. Вот уже виден дом... Да полно, нельзя уж это назвать домом!

На месте крепкого сруба дымится обугленный остов. Пахнет гарью и, почему-то, паленой шерстью.

Подойдя поближе, Роман понял, откуда разносится запах. Среди превратившегося в угли коровника лежат обгорелые останки всеобщей любимицы – Милки. Бедная скотинка! Все про нее позабыли в суматохе, не отворили дверей, вот и погибла она лютой смертью...

Мать и служанки начали рыдать в голос. Близняшки, испугавшись, тоже заплакали.

Роман отошел к склону холма и принялся вглядываться в снежную круговерть, пытаясь рассмотреть то, что осталось от деревни. Однако за поднявшейся метелью можно было разглядеть только черные пятна на белом снегу.

– Нужно спуститься в деревню, – сказал Роман, вернувшись к месту, где до сих пор стоял его родной дом, а теперь лишь грудились черные головешки.

– Пойдем, хлопец, посмотрим, что там к чему, – откликнулся дед.

Внизу их не ожидало ничего хорошего. Почти все жители деревни погибли, а те, что остались в живых, успев спрятаться в лесу, потеряли все, что у них было.

Мужчин, не считая деда Макара и Романа, осталось пять человек, и двое из них были ранены. К счастью, уцелело три коровы и несколько кур. Больше не осталось ничего, а до весны было еще ой как далеко...

ГЛАВА 3

Однако постепенно люди начали обживаться. Зиму пришлось доживать в наспех вырытых сырых землянках. Многие хворали, заходились в кашле. Бог миловал, никто не помер – пользовала их старая Прана целебным настоем сосновых игл и почек. Дожили до весны, а там начали отстраиваться заново.

Первым делом срубили новый дом для Дарьи с семейством, однако ж прежнего достатка уже не было. Перебивались как могли, иногда перепадала лесная дичь, за которой ходил Роман с дедом Макаром. С деревенских брать было нечего, да и не с руки – они сами чуть ли не голодали. Хорошо хоть уцелели запасы зерна да семян, оставленные на весну. Хранились они в ямах, оттого и не сгорели со всем остальным, и не нашли их вороги.

Но этих семян нельзя было есть – ведь что-то надо сеять! А чем жить в ожидании нового урожая? Избалованный Роман, да и мать его, жизнь прожившая в тереме, пропали бы наверняка, кабы не дед Макар, не преданные служанки. Хотя какими уж они теперь были служанками – всех сравняло несчастье. Теперь мать почитала их за подруг. Именно они и помогали господской семье – приносили разные травы и коренья, которые на первый взгляд и есть-то нельзя было! Ан нет – варили, парили, жарили, и оказывалось – можно! Потом стало легче: в лесу появились ягоды.

Сроду Роман не занимался таким бабьим делом, чтоб ходить по ягоды, а теперь с радостью увязывался за матерью и ее подругами. Лазил по зарослям, выискивая ягоды костисто-сладкой малины, ползал по земле, собирая душистую землянику, и часто черны бывали его ладони и губы от ежевики. Нередко, отстав от своих попутчиков, ложился Роман в высокую, сочную траву и смотрел на белые облака, плывущие по безбрежной голубизне неба, слушая далекое ауканье и думая о нехитрой жизни своей.

Ему-то в радость, он быстро привык к новой жизни. А вот мать, не привыкшая к труду, грустила и старела на глазах. Из госпожи и хозяйки терема превратилась она в обычную мужичку. Хотя и несладко жилось за буйным, вечно пьяным мужем, а все же... Только подрастающие близняшки не давали ей совершенно потерять интерес к жизни.

Гости в доме бывали нечасто. Да и не больно их ждали – чего гостей принимать, коли клетки пусты, а хозяевам того и гляди придется по миру побираться.

Однако время от времени наезжала в дом кое-какая родня, уцелевшая после татарского нашествия. Теперь, к слову сказать, все знали, что вороги, спалившие и разграбившие половину России, были татарского неисчислимого племени.

Брат матери, Иван, состоял в дружине князя Ярослава. Теперь, Ярослав стал великим князем, и Иван шибко гордился своим почетным местом. Наезжал он в гости и ранее, да редко – только когда дела где поблизости были, но уж коли приезжал, то весь дом с ног на голову становился.

Более всего после своей бедной матери любил Роман дядю Ивана. Веселый он был, бесшабашный – глаза огнем горят, любое дело в руках спорится. Радостно становилось в доме, когда приезжал дядька. За то еще с детства любил Роман его, что отец, пока дядя Иван в доме гостил, становился тише воды, ниже травы. С матерью разговаривал ласково, за косы ее не таскал, пить – и то почти не пил. Теперь же отца в живых уже не было, да Роман все равно приезду дядьки рад был.

Дядька, кроме подарков, привозил не счесть сколько историй: и про походы военные, и про жите княжье, и про великое зло, татарами творимое. Много чего повидал на своем веку Иван, хлебнул и горя, и радости...

Гостил дядька недолго и уезжал восвояси, в город Новгород, али еще куда – туда, куда служба его военная звала. А Роман долго еще жил теми рассказами. Мерещились ему в ночи

всадники на горячих конях, звон булата, дикие крики татар. На всю жизнь запомнил Роман дядьевы сказы. И потом, когда уж повзрослел и постранствовал по миру немало, уверовал, что мало врал дядька – почти все, о чем рассказывал он, правдой оказалось.

Вот и теперь – приехал Иван, и сразу в доме веселее стало. Немало привез он гостинцев: новой, снежно-белой мучицы, несколько голов сахару, много чего другого... Тогда в деревне муку мешали с древесной корой, чтоб больше ее было, а каков сахар на вкус, Роман и забыл уж.

Все были рады – и дети, и взрослые, да вот что-то не тешила их радость дядьку Ивана – видно, ножом его по сердцу полоснула сестрина беда.

– Сладкой жизни тебе не обещаю, но все лучше, чем здесь, будет. Поедем, сестрица!

– Нет, – грустно отвечала мать, качая головой, – Куда ж я отсюда? Здесь муж мой схоронен, здесь дети выросли. Мне многого не надо, а их, Бог даст, прокормлю!

Так и не согласилась мать, сколько Иван ее ни упрашивал. Махнул тот в конце концов рукой и начал, как мог, хозяйство обихаживать. А все свободное время с Романом проводил, рассказывал ему о том, что повидать пришлось, да близняшек тетешкал.

Так однажды сидели они на крутом речном берегу, куда пришли рыбу ловить. По правде-то говоря, не столько за рыбой шел Роман, сколько за тем, чтобы подольше побыть с любимым дядькой, послушать его разумные речи.

Сидят в тенечке – рыба клевать не спешит, ветер прохладный ласкает лицо, припекает солнышко. Говорят они о том, о сем, да на воду поглядывают. Вдруг навстречу ковыляет полоумная Марфа. Была у них в деревне такая баба – умом тронутая. Раньше-то она справной была, но когда татары в прошлом году деревню разоряли, то у нее на глазах всю семью убили – и мужа, и детей малых. С тех пор-то Марфа и стала не в себе. Зла она никому не делала, ходила только неприкаянная, то улыбалась, то плакала – да все невпопад, иногда мертвых детей своих звать принималась, разговаривала с ними, будто живы они. Люди ее жалели, делились скудной своей едой – не давали блаженной помереть с голоду. Так и жила она в деревне, на пепелище родного дома, который и отстраивать было некому.

Шла Марфа по берегу и улыбалась, разверзнув рот в блаженном оскале. Глаза ее были совершенно пустые, не осталось в них ни боли, ни радости, ни думы какой.

Проводил блаженную дядька Иван долгим взглядом и, отвернувшись, буркнул себе под нос непристойное слово.

– За что ты Марфу бранишь? – удивился Роман. – Она ведь никому вреда не делает – безобидная.

– Да не ее я хую, а тех супостатов, что виновны в бедах ее, – сердито ответил дядька. – Я ведь Марфу-то почитаю что с детских лет знаю. А потом, когда повзрослели мы оба, сватался к ней, да не приглянулся... И вот теперь смотрю я на нее, и до того мне горько за нее и стыдно за нас, что хоть головой вот в этот омут...

– Да чего ж стыдно-то? – не отставал отрок.

– Да то, что землю мы свою отстоять не в силах, обидчикам нашим отомстить не можем. Гуляют они по Руси-матушке, как по своей земле, и никакой управы на них не сыскать.

– Откуда ж взялись они, дядя Иван?

– Да они, сынок, всегда были, только до поры, до времени к нам не совались, – ответил дядька со вздохом.

– А что ж теперь набежали?

– Раньше они силы копили. Ведь воины у нас храбрые, их голыми руками не возьмешь! Вот поднакопили сил и пришли Русь разорять! Столько бед натворили, что кровь в жилах стынет.

– Расскажи дядя Иван, как напали они на нас? – не отстает Роман. – Почему их не остановил никто?

– Долгая эта история, да уж ладно – нам торопиться некуда. Слушай: рассказывают, что началось все с того, что великий князь Юрий Рязанский как-то послал сына своего, Феодора к хану Батю, глава он у них там, у этой нечисти, с великими дарами. Тот принял дары, но более всего возжелал увидеть жену Феодора – Евпраксию, которая славилась на всю Русь и далеко за пределами ее своею дивною красотой. Говорили, что красота ее ясное солнышко затмевала – я-то сам не знаю, врать не буду. Но есть у нас красавицы на Руси! А у татар все девки чернявые, как галки, мелкие, вертлявые, да глаза у них раскосые, глупые...

Феодора слова Батя ввели в великий гнев. И сказал он великому хану Батю, что негоже ему, христианину, показывать свою супругу венчанную грязному язычнику-нечестивцу. У нас девок да баб под покрывалом не прячут, за погляд денег не берут, да, видать, испугался Феодор...

– Чего ж он испугался? – спросил Роман.

Дядька Иван смутился.

– А видишь ты, отрок, побоялся он, что хан Батый отнимет у него жену, чтоб самому весь век на такую красу любоваться. Да ты слушай! Сильно осерчал на те дерзкие слова Батый и повелел предать Феодора самой мучительной и страшной смерти.

Горько оплакивала земля русская своего юного княжича. Но более всего убивалась по погибшему Феодору жена его – красавица Евпраксия. Не в силах перенести горя великого, бросилась она с высокого теремного окна вместе с сыном своим и, ударившись оземь, умерла. Место, где пролилась кровь несчастной княжны, и по сей день зовется Убоем.

Великий же князь Юрий, отец Феодора, услышав об убийстве сына своего благородного, начал плакать о нем и княгине молодой, и весь град рязанский плакал вместе с ними. Едва же отдохнув от этого великого плача – воспылал гневом праведным за смерть сына и невестки, и возжелал наказать обидчика. Хоть и имел он войско небольшое, все ж вышел на рать с Батыем во чистое поле. Полегли в том кровавом бою все воины русские, вместе с князьями своими.

А Батый, изничтожив войско Юрия, двинул рать свою несметную к столице Юрия, славному городу Рязани. Князь великий в том граде засел и ждал своего мучителя. Горел он лютой ненавистью и тосковал от беспомощности своей – войска-то уж почитай что не было у него, и не мог он встретить врага на его кровавом пути!

Много городов пожег Батый, пока к Рязани шел, много деревень разорил. Убивал он не щадя детей и стариков, женщин и юнцов. Кровь рекой текла по земле Русской, и плач великий стоял над ней.

– Это я видел! Они ж и нашу деревню спалили!

– Вашу-то они уж позже сожгли, когда пыл у них поугас! – мрачно усмехнулся дядька. – Если б вы им тогда под руку попались, то никто б не уцелел! А это уж они так – для острастки... Да ты слушай дальше!

Наконец подошли полчища Батыевы к славному городу Рязани. Пять дней стояли они под городскими стенами, пять дней оборонялись обессиленные защитники города. На шестой день изготовили татары лестницы и по ним начали взбираться на стены. Как могли отражали росичи их нападение: осыпали сверху камнями, лили им на головы кипящую смолу и воду. Тогда взяли вороги орудья стенобитные и порушили кой-где городскую стену.

В проломы хлынули несметные Батыевы воины. Как черти, вышедшие из преисподней, шли они сквозь пламень и истребляли все и вся на своем пути.

Пали от нечистых рук татарских и князь великий, и мать его, и бояре. И среди простого люда, почитай, никого в живых не осталось. Столько людей мученическую смерть приняли, что и не счесть.

Несколько дней лютовали Батыевы воины в городе, несколько дней стоял вой и плач. Наконец, стихло все, потому как некому стало причитать и выть – не осталось в Рязани ни одной живой души, и Рязани самой не стало.

Стерев с лица земли сей славный град, двинулся Батый дальше, уничтожая деревни и города, опустошая землю Русскую. Подошел он к Москве и сжег ее дотла, взял в плен князя Владимира и, умертвив воеводу и всех жителей, пошел дальше.

Встали на пути душегуба стены великого града Владимира. Ужаснулись жители города, понимая, какая судьба им уготована. А Батый послал своих людей, которые спрашивали, в городе ли князь великий или нет его. Не знали защитники города, что юный князь их Владимир пленен татарами. Не стали говорить с проклятыми врагами росичи, вместо ответа пустили в Батыевых людей острые стрелы. А татары выставили перед собой несчастного князя Владимира.

Великий плач поднялся за городскими стенами, однако сдаваться росичи не желали.

Против самих Золотых врат, что во Владимире, разбил Батый свои шатры и стал ждать, когда русы одумаются и сдадут город.

Больно уж велики орды татарские. Отрядил Батый своих людей, и взяли они без труда город Суздаль, истребив, как у них водится, всех жителей. Вернулись посланные к Батыю с легкой победой, кровью умытые.

Тем временем надоело хану ждать под стенами Владимира, и приказал он брать город приступом. Поняли владимирцы, что пришла их неминуемая гибель. Князь Всеволод, жена его, бояре и многие родовитые люди собрались в храме и молились день и ночь напролет.

А на следующий день ворвались татары в город Владимир. Убили они почти всех жителей, а кого полонили, те умерли от жестокого холода. Расстались тогда с жизнями своими и славные князья, и все родичи князьи.

После того, как взял хан Батый Владимир, пришла черед других городов русских. Разрушил он Ростов и Ярославль, сжег Городец, что на Волге-реке... Потом пошел Батый к Новгороду. Но испугался болот и лесов и так и не дошел до него. Повернул кровопийца обратно к Дону, но с того времени довлеет над Русью его злая воля! И нет сил у разоренной нашей земли противостоять его несметным полчищам...

Так закончил Иван свой невеселый рассказ, и повисло тягостное молчание. Лишь ветер шелестел в кронах плакучих ив над рекой, да журчала вода, да стрекотал в знойном мареве беззаботный кузнечик.

Дядя, как и в прошлые приезды, гостил недолго, и вскоре собрался в обратный путь. Мать провожала его с великой скорбью – время было тяжкое, и если кто с кем прощался, то всегда держал в уме – быть может, навеки. Оно и понятно было – Батый недалече, кто знает, может опять нагрянет, и тогда уж спасения не будет.

Роман хотел было проситься с дядькой, очень ему хотелось белый свет повидать, да потом передумал – матери и так нелегко, а уж с детьми малыми одной и вовсе немоготу будет.

– Вы тут остерегайтесь, – говорил дядька Роману, седлая коня. – Батый ушел, да по всему видать – не навеки. Того и гляди, опять нагрянет... – Иван ожесточенно сплюнул наземь. – Времянки в лесах стройте... Как почувете неладное, сразу снимайтесь с места и в лес уходите. Они, татары эти, в лес обычно не суются – не привыкли по чащобам шастать, собачьи дети. Они все больше в степи... – Дядька глубоко вздохнул и присел на камень. – С тяжелым сердцем оставляю я вас. Боюсь, как бы чего не вышло! Уж лучше бы поехали вы все со мною, какое-никакое жилье вам бы нашлось, а до Новгорода-батюшки, даст Бог, Батый не дойдет. Но вот Дарья уперлась и хоть трава не расти! О малых бы подумала, что ли, если уж своя голова не дорога... – Дядька тяжело вздохнул, – Ладно, чего уж теперь! Но, если случится что, то вы как-нибудь ко мне перебирайтесь. В Новгороде я нынче, в дружине юного князя Александра Ярославича.

Дядька поднялся, обнял крепко Романа и, расцеловав троекратно, как на святую Пасху, сказал:

– Держись, малец, тяжкая доля выпала тебе, большая забота. Да только не сломить она должна тебя, а закалить. Знаешь, как меч булатный в горниле закаляется – он после огня только крепче становится. Так же и ты крепче духом стать должен.

С этими словами оторнул Иван от себя Романа и пошел прощаться со своею сестрою и племянниками малыми.

Долгие проводы – лишние слезы. Это Иван знал точно, потому и прощание его было коротко. Скоро скакал он уже прочь на вороном своем коне. Мать, стоя возле крыльца, утирала слезы, непрерывно катящиеся по щекам. Близнята бегали рядом и то и дело теребили материну юбку, не в силах понять, отчего родительница их так грустна.

После отъезда Ивана жизнь скоро вошла в прежнее русло. В доме вновь стало тихо и скучно, как раньше. Хотя Иван помог сестре звонкой монетой и припасами – да все ж не сравнить с прошлой жизнью, когда в кисельных берегах молочные реки текли, а о татарах никто слыхом не слыхивал!

ГЛАВА 4

Дурные предчувствия дяди Ивана оправдались скоро – не прошло еще и года с тех пор, как Батый прошел по Руси, оставляя за собой лишь сгоревшие города и деревни и сотни, тысячи трупов ни в чем не повинных жертв, не успели еще оставшиеся в живых как следует оплакать мертвых и отстроить свои дома, как татары вновь вторглись в пределы Руси.

В этот раз оставшиеся в деревне люди были предупреждены о приближении врагов заранее. За день до нападения проскакал по бывшей улице бывшей деревни всадник на взмыленном коне. Куда ехал он, откуда был родом, никто так никогда и не узнал.

– Беда, беда! – кричал человек. – Татары вновь на нас идут – города и деревни жгут, людей губят. Скоро у вас будут – почитай, что к концу дня.

Прокричал и скрылся за поворотом дороги, словно растаяв в поднятой конскими копытами густой пыли.

Тут же поднялся плач и вой, да некогда было предаваться горю – начали собирать нехитрый свой скарб, выводить скот, и через недолгое время жители покинули вновь обреченную на сожжение деревню.

Роман с дедом Макаром также собрали пожитки, мать вывела близнят, и все они, груженные кой-каким барахлишком, отправились в лес, где поставили они избенку, как дядя Иван советовал. За ними потянулись и другие жители несчастной деревни.

Устроившись в лесной обители, Роман с семьей прожил там три дня, а затем отправился обратно, поглядеть, ушли ли злые вороги или еще где-то близко бродят.

Мать, по бабьему обыкновению, ударилась в слезы и молила Романа не ходить, коли не хочет разбить он ее сердца.

Однако ж Роман был тверд в своем решении и, едва оторвав от себя мать, отправился в путь. К вечеру он был уже на холме и с унынием взирал на открывшуюся пред ним картину.

Как и в прошлый раз, татары выжгли только что отстроенные дома дотла, сгорел и новый дом на холме. А сколько труда было в него вложено!

Роман прислушался. Издалека до него донесся неясный гул, который постепенно нарастал. Вскоре уже можно было различить топот конских копыт и гортанные крики на незнакомом языке. Стоя на вершине холма, Роман отовсюду был виден снизу. Поэтому мальчик поспешил укрыться за старой ивой, росшей неподалеку от места, где раньше стоял дом. Листья на дереве свернулись от жара, ствол также местами обгорел, но был настолько толст, что юному Роману спрятаться за ним не составило труда.

Роману хорошо была видна дорога, ведущая к деревне, и ждать пришлось немного – из нарядной, мирной рощицы, выскочили всадники. Насколько мог разглядеть Роман молодыми, острыми глазами – были это смуглые люди, одетые в халаты и одежды из шкур. За то короткое время, пока всадники проносились мимо, успел Роман рассмотреть и оружие врагов – луки, колчаны со стрелами, копья с крюками, кривые сабли.

Отряд промчался по сожженной деревне и, подняв клубы пепла, вскоре скрылся из виду.

Обратно в лесную избушку Роман возвращался уже под вечер. По пути размышлял он о том, что возвращаться в деревню людям никак нельзя. Видать, разделилось татарское войско на малые отряды, которые действуют разобщенно, а значит, никак нельзя предугадать, когда они нападут на деревню в следующий раз. Поэтому лучше всего оставаться в лесу и ждать, когда татары уберутся восвояси.

Все свои мысли поведал Роман матери, деду Макару и остальным людям. Решили они оставаться в лесу – как-нибудь прокормятся лесными дарами да дичью, а там, глядишь, отступят супостаты, и можно будет хотя бы хлебушек прибрать.

Вскоре на лесной опушке выросла маленькая деревенька, и потекла в ней жизнь своим чередом. Время от времени ходили люди на место сожженных своих жилищ. Соблюдая всяческую осторожность, подбирали уцелевший скарб, да собирали кое-какие поспевшие на огородах овощи.

Женщины ходили по грибы да ягоды, которых много уродилось в этом году, словно сама земля русская помогала своим обездоленным детям выжить. Мужчины охотились, и тоже не без удачи. В каком-то смысле жить в лесу было даже лучше – тишина, покой, резной шатер листвы над головой... Не нужно беспокоиться о том, что вороги могут внезапно нагрянуть и вновь бесчинства учинить. Татары, народ степной, в леса не суются – непривычна им зеленая сень над головой, страшит бесконечный строй древесных стволов. Там и кони не пройдут, и ожидают неведомые опасности! Не понять татарам чудной славянской души, не нарушить лесного заклатья!

Но на открытых местах татары хозяйничали по-прежнему. Не раз и не два приходилось лесным жителям, пришедшим на родное пепелище, прятаться второпях, слышав конский топот да громкое гиканье. До поры, до времени все шло хорошо – людям удавалось избегать опасности, но однажды все-таки случилась беда.

Пошла мать Романова да еще две женщины за грибами, да увлеклись, зааукались, как девчонки, и вышли на открытую опушку, недалеко от мертвой деревни. Брили они, переговариваясь, высматривая в траве шляпки веселых опенков, да и не услышали, как приблизился к ним небольшой отряд татарский. Когда ж поняли, что к чему – поздно уж было. Настигли вороги женщин – те визг подняли, плач. Татар было четверо – один немолодой уже, по-видимому, старший, остальные молодые. Все смуглые, темноволосые, глаза раскосые, узкие. Кони нездешние, невысокие, да быстроногие.

Живо окружили всадники женщин. Молодые, видно, прямо здесь потешиться решили, да старший остановил их. Сказал что-то на странном своем языке и вдаль кивнул. Перекинули татары женщин через седла, как кули с мукой, и погнали горячих своих коней.

Одной из женщин, бывшей Дарьиной служанке, удалось-таки с коня соскользнуть. Как не попала она под конские копыта, как не изрубили ее татары саблями своими – неизвестно. Видно Бог спас, оберег молодуху от жестокой участи. Поднялась молодуха с земли и бросилась напрямик в лес, не разбирая дороги. Всадники за ней, да кони непривычные к лесу, испугались, в сторону шарахаются, вперед, в чащобу скакать никак не хотят.

Тогда достал один из татар лук, да пустил молодежи вдогонку острую стрелу. Просвистела она и прошила бабе плечо. Охнула та, в голос от боли завывала, только не остановилась – все дальше и дальше в лес убегает.

Наконец, отстали от нее преследователи, повернули коней обратно. И так, мол, неплохая добыча!

Молодуха же – Радой ее звали – кое-как добралась до лесной деревеньки, где, заливаясь слезами, рассказала о случившемся. Рана ее была не опасна – стрела прошла насквозь, не задев кости. Стрелу дед Макар вытащил и, крепко завязав чистой тряпицей плечо, велел Раде успокоиться и радоваться тому, что жива осталась.

Роман, узнав о том, что остался он без матери, поначалу все порывался броситься вдогонку проклятым супостатам – еле его удержали. Хотели даже связать да запереть где-нибудь от греха подальше, но потом передумали. Выждали только время, чтобы не смог он вдогонку пуститься.

Роман кричал, бился в руках деда Макара, ругался темными словами, какие отроку и знать-то не следует! Потом заплакал, но дед был неумолим. Лишь когда солнце стало клониться к закату, тот выпустил его из под своей опеки.

На Романа было страшно смотреть. Глаза его покраснели, под ними залегли темные тени, лицо враз осунулось. Долго втолковывал ему дед Макар, что мать не вернуть, и нужно вознести

хвалу Господу, что близнята, вечно ходящие за Дарьей по пятам, в этот раз остались дома, тем самым избежав ужасной участи. Роман не хотел слышать никаких увещеваний. Только одна мысль терзала его – мать жива, и она где-то в татарском плену тоскует и плачет. А он, ее сын, сидит здесь в лесной глуши и не может облегчить ее горькой судьбы.

Время шло, и все жители уж порешили, что Роман успокоился и смирился со своим горем. Но не тут-то было! Не убаюкало время боль, только обострило ее. Роман изготавился к побегу. Мысль, что дядя Иван может помочь отыскать мать, пришла к нему уже давно. Все это время мальчонка продумывал, как бы ему половчее пробраться до Новгорода, так, чтобы на татар не наткнуться и с голоду не помереть.

Начал он потихоньку ото всех собираться в дальний путь. Копил сухари, мясо вяленое, на зиму припасенное, даже оружие себе кое-какое нашел – копье татарское, на пепелище прихваченное. Лук же со стрелами у Романа уже был – дед Макар для охоты смастерил.

Со сборами приходилось торопиться – нужно по теплу до Новгорода дойти, а путь предстоит неблизкий. К тому же Роман, никогда в жизни нигде, кроме своей родной деревни, не бывавший, понятия не имел о том даже, где этот самый Новгород есть.

Последнее он решил все же разузнать у деда Макара.

– Дед, а дед! – обратился он к старику, когда тот был увлечен свежеванием только что вытащенного из силка большого серого зайца.

– Ну, чего тебе еще? – откликнулся дед Макар, продолжая заниматься своим делом.

– А ты когда-нибудь из нашей деревни уезжал куда?

– Приходилось, милоч, – ответил тот.

– Куда? – встрепенулся Роман.

– Ну, в городе бывал...

– В каком городе?

– Во Владимире... – прокряхтел старик, полосую свежую тушку. – А на что тебе?

– Нигде не бывал я, окромя вот этой вот деревни, оттого и спрашиваю. Хочу знать, как в иных местах люди живут.

– Люди ныне везде живут одинаково. По всей Руси великий стон стоит.

– Да, верно, дед... – согласился Роман, – А вот скажи, был ли ты, скажем, в Новгороде?

– Нет, сыне, в Новгороде я не был. Зело далеко этот город – много дней конного пути. Не заводила меня судьба в такую даль.

– А в какой стороне он? – не унимался Роман.

– На севере, сыне, на севере. Боле ничего тебе сказать не могу, потому как сам не знаю, не ведаю.

На этом разговор прекратился. Роман, несмотря на то, что предстояло ему путешествовать в неизвестную даль, сборов не прекратил, напротив, принялся за них с еще большим усердием. Наконец все было готово. Дольше откладывать поход не имело смысла.

Однажды, рано утром, когда небо еще только начало светлеть от забрезжившего рассвета, Роман встал и, стараясь не шуметь, дабы не разбудить спящих, оделся и, поцеловав близнят на прощанье, покинул избу. Захватив надежно спрятанные припасы, он бойко зашагал в сторону сгоревшей деревни.

Роман решил идти лесом, не отдаляясь, тем не менее, от наезженной дороги. Более всего страшила его не дальность пути, а то, что придется ночевать в лесу совсем одному. Что ни говори, странник наш был еще совсем юн, а путешествие, которое он задумал, было бы не по силам и иному взрослому.

Все утро и весь день мальчик шел. Верно ли? Он не знал, да и не думал об этом. Тут ничего путного не надумаешь. Только пару раз странник сделал привал – грыз сухари, запивал хрустальной, ледяной водой из подвернувшихся ручейков и двигался дальше.

За весь день Роману не повстречалось ни одной живой души. Один раз он наткнулся на останки сгоревшей деревни. Пепелище было пусто – жители либо погибли все, либо укрылись в лесу. Кто-то из деревенских наверняка уцелел, поскольку Роман не увидел ни одного трупа, лишь над павшей скотиной кружили черные вороны – для них несчастье людское обернулось невиданным пиром.

Поспешив поскорее покинуть пепелище, Роман снова углубился в лес. И сделал это вовремя, поскольку почти сразу же сзади до него донесся топот копыт и уже знакомые выкрики на гортанном языке. Небольшой отряд татар промчался по пыльной дороге, еще более укрепив Романа в мысли, что путешествие его будет опасным и далеко не легким.

Тем временем начало смеркаться. Пора было искать место для ночлега. Вскоре Роман вышел на поляну, которую с трех сторон окружали огромные ели. Лучшего и придумать было нельзя. Разведя костер возле самой большой ели, – в чем, в чем, а в этом Роман был мастак, – отрок удобно устроился под ее хвойными лапами, высоко поднимающимися над землей, и попытался заснуть. Однако сон не шел к маленькому путнику. Всюду ему мерещилась опасность, звуки ночного леса пугали, то и дело виделись дикие звери, что притаились где-то рядом и только и ждут момента, чтоб напасть... Роман долго ворочался с боку на бок и сам не заметил, как задремал.

Долго спать ему, однако, не пришлось. Разбудили Романа странные звуки. Нет, вот это ему точно не мерещится! Ломится зверюга через бурелом, только веточки хрустят, вздыхает утробно, дышит громко, прерывисто...

Роман сел на своем ложе из листьев и весь обратился в слух. Костер совсем догорел, и ничего нельзя было разглядеть в густой, липкой темноте.

Звуки, издаваемые неизвестным зверюгой, тем временем становились все слышней, из чего отрок понял, что он приближается.

Первым намерением Романа было бежать – бежать без оглядки, как можно дальше от этого страшного, невидимого, а оттого кажущегося еще более жутким существа. Но, поразмыслив, он решил, что может только усугубить свою беду – ведь зверь в темноте видит намного лучше него, а потому Роман станет легкой добычей.

Поэтому мальчик решил-таки оставаться на месте и попытаться одолеть невидимую зверюгу. В конце концов, сумел же он убить матерого волка прошлой зимой! А с того времени Роман заметно возмужал, окреп и раздался в плечах.

Шаги и пыхтение делались все ближе... Роман вытащил нож и принялся ждать. Все чувства его обострились до предела, сердце глухо билось в груди, и его частые удары отдавались болью в висках.

Сопение и фыркание раздавались уже совсем рядом. Роман даже мог разглядеть в темноте слабый контур какого-то огромного животного. «Кто же это?» – пронеслось в мозгу отрока. «Что за зверюга такая? Ведь не кабан, не волк – неужто медведь?!» Мысль эта отозвалась похоронным звоном в душе отрока. Сладить с медведем, это Роман осознавал совершенно ясно, ему было бы не по силам. Но, тем не менее, он размахнулся и со всей силы ударил ножом, стараясь вогнать его как можно глубже.

Чудовищный зверь отшатнулся, издав громкое, полное боли и ужаса мычание, и помчался прочь, ломая ветви и оглашая окрестности обиженным ревом.

Роман, поняв, что опасность миновала, заполз обратно в свое убежище и свернулся калачиком на листовном ложе. От пережитого страха и одиночества ему хотелось плакать навзрыд, как маленькому. Наревевшись от души, Роман почувствовал себя намного лучше, но уснуть уже так и не смог, и до рассвета таращился в темноту, ожидая нападения таинственных чудовищ.

Утром Роману довелось узнать, кто был его ночным гостем. Огромный черный бык пасся неподалеку. Еще недавно он принадлежал кому-то из жителей сгоревшей деревни, теперь же, никому не нужный, оказавшись на воле, не знал, что делать, и просто шатался по лесу.

Учуяв в свежем ночном воздухе знакомый запах человека, он пошел к нему навстречу, в надежде, что его так резко переменившаяся жизнь вновь пойдет по-старому, но вместо этого получил ощутимую рану в бок, хотя не опасную, но все же очень неприятную и приносящую постоянную, ноющую боль.

Роман, увидев, с кем ему пришлось сразиться ночью, разразился смехом. Правильно говорил деде Макар: «У страха глаза велики!» Отсмеявшись, мальчик собрался и зашагал дальше. Много ночей пришлось ему провести еще в лесу. Но более не испытывал Роман прежнего страха – помнил про несчастного быка.

Дорога, которой держался Роман и на которую он время от времени выходил, вела путника мимо сожженных, обезлюдивших деревень, мимо покинутых полей, на которых поспевала рожь. За все время не попалось Роману ни одной живой души. Лишь раз промелькнул вдалеке отряд татарских всадников на горячих конях.

Роман не знал даже, в каком направлении он движется, а шел отрок уже довольно долго. Уже давно кончились съестные припасы, захваченные с собой из дому, и теперь перебивался путник тем, что удавалось добыть в лесу. Грибы, ягоды да редкая дичь, которую удавалось Роману подстрелить из лука, утоляли его голод.

Роман начал задумываться над тем, как трудно придется ему, когда нагрянут холода. Порой отрок жалел о том, что так опрометчиво отправился в далекий путь один-одинешенек, и даже, в минуту слабости, хотел повернуть назад, но побоялся заблудиться, не сыскать обратной дороги, да и возвращаться ни с чем казалось ему обидным и позорным. Вот, молвят, ходил-ходил, а ничего не сыскал, только припасы подъял и сразу струсил!

Неизвестно, что случилось бы с Романом, если бы он не встретил в лесу добрых людей. Быть может, сгинул бы мальчишка в чаще от голода и холода, разодрали бы его дикие звери. Но, видно, не судьба была Роману умереть так рано. Как-то, проходя светлой березовой рощей, услышал он голоса. Приглядевшись, увидел и мелькающие среди деревьев одежды. Роман весь обратился в слух: может, татары? На них, правда, не похоже – в лес они забредают редко, стараются дороги держаться, но кто знает, вдруг все же они?

Но речь, доносящаяся до Романа, была русской, а потому, преодолев страх, Роман пошел навстречу людям.

Вскоре его глазам открылась следующая картина: на поваленном стволе дерева сидели трое монахов, одетых в грубые, домотканые ризы. Их нехитрое добро, завязанное в узлы, лежало рядом. Все говорило о том, что монахи, так же как и Роман, в пути находятся уже давно – ризы их были потрепаны, а обувь совсем разбита.

Услышав шорох, монахи разом обернулись. В руке одного из них Роман увидел большой охотничий нож. И так уверенно держал это оружие служитель Божий, что было ясно – люди это самостоятельные, не только с молитвой обращаться умеют!

Соображал монах тоже неплохо: поняв, что перед ним не враг, а всего-навсего отрок, и опасности он не представляет, священнослужитель мгновенно опустил руку, приготовленную для броска.

– Доброй вам трапезы, – произнес Роман и с удивлением прислушался к своему голосу. Давненько же он с людьми не разговаривал, так и вовсе разучиться недолго!

– И тебе добрый день, – ответил тот самый монах, что лихо управлялся с ножом. – Подойди, раздели с нами, что Бог послал, не побрезгуй, – продолжил он, оглядев Романа с ног до головы.

Второй раз приглашать Романа нужды не было. Он присел рядом с черноризцами на поваленное дерево и с жадностью набросился на хлеб, по которому истосковался за долгие

недели пути. Из своего узелка Роман достал куски вяленого зайца, пойманного несколько дней назад, и присоединил его к монашеским нехитрым припасам.

– Как звать тебя, отрок? Куда путь держишь? – поинтересовался все тот же монах.

– Зовут меня Романом, – ответил тот невнятно, поскольку рот его был забит. – А иду я в Новгород.

– В Новгород? – удивленно переспросил монах. – Отчего же столь странными путями ты пробираешься в этот город?

– Что ж в том удивительного? – храбро спросил Роман, но сердце у него застыло от предчувствия открытия им самим сделанной страшной ошибки.

– Для того, чтобы в Новгород попасть, нужно в другую сторону идти. Ты же приближаешься к Ярославлю, вернее, к тому, что осталось от этого славного города после того, как побывали там проклятые татары.

Роман, узнав о том, что столь долгий путь пройден им впустую, загрустил, голову повесил.

– Видно никогда мне до Новгорода не добраться! – горько вздохнул он.

– А зачем тебе, отрок, в Новгород? – спросил все тот же монах.

– Там в дружине князя Александра Ярославича дядька мой родной служит. Иду я к нему о помощи просить. Мать мою татары украли. Воин он славный, авось пособит мою родимую из плена выволить!

– Эко ты, отрок, загнул! Где ж теперь сыскать твою мать! Татары народ злой, от них пощады ждать не приходится. Если и жива твоя мать, то в такой дали обретается, что ее не то что твой дядька, сам князь вряд ли достанет!

– Я все же пойду! – упрямо мотнул головой Роман.

– Идти-то иди... Всякому человеку нужно на что-то в жизни надежду иметь! Да вот только зачем тебе в Новгород идти – ума не приложу! Князь Александр Ярославович сейчас не в Новгороде. Он со своим семейством, да с дружиною в Переяславле сидит.

– Это еще где? – воскликнул не на шутку испугавшийся Роман.

– Ну, это, отрок, куда как ближе Новгорода! – засмеялся монах, поглядев на полные ужаса глаза Романа. – Ты, почитай, до него уже дошел! Ну, нет худа без добра – вместе с нами далее пойдешь. Нам также в Переяславль надобно.

Новость эта невероятно Романа обрадовала. Не будет его путь одинок – вдвое короче покажется!

– Так что не вешай нос, отрок, и собирайся в путь – сейчас дальше пойдем. Меня зовут отцом Федором. Это, – он показал на угрюмого коренастого монаха, до сих пор не проронившего ни слова, – отец Василий. А вот это, – монах кивнул на старца с белоснежной длинной бородой, – отец Феофан.

Старец улыбнулся Роману тихой светлой улыбкой.

– Отчего спутники твои все время молчат? – спросил Роман, когда вчетвером они уже шли по еле видной лесной тропке.

– Отец Василий молчит, потому что татары ему язык вырезали, а Феофан настолько уж близок к Богу, что с людьми почти не разговаривает, – ответил Федор.

– А зачем идете вы в Переяславль?

– К князю идем, Александру Ярославичу, по делу дюже важному, – уклончиво ответил Федор и вдруг улыбнулся белозубой улыбкой, – Ну, отрок, развеселил ты меня! Это ж надо – идти в Новгород, а попасть в Ярославль! – И монах засмеялся заразительным смехом.

Роман в который уж раз подумал, что облик Федора, да и повадка его не очень-то вяжется с черными монашескими ризами. Этому бы монаху да резвого коня, да острую саблю! Но вслух Роман ничего не сказал – в такие времена лучше помалкивать, догадки при себе держать! Федор, однако, ему нравился, и идти с ним было сущим удовольствием. Рассказывал он много

разных историй, былей и небылиц, да так хитро переплетал их между собой, что Роман и разобрать-то не всегда мог, где правда, а где вымысел.

ГЛАВА 5

Земли, по которым шли путники, были по-прежнему безлюдны и разорены татарами. За все время только два или три раза натыкались они на небольшие лесные поселения, в которых бедовали спасшиеся жители окрестных деревень и городков. Вполне возможно, их было и больше, но путники старались не отходить далеко в сторону от дороги, чтобы не сбиться с пути, а люди, спасавшиеся от татар, напротив, уходили как можно дальше в лес, чтобы не повторить участи своих соплеменников.

Люди всюду встречали путников с оружием в руках, но, признав в черноризцах своих, русских, радовались от души, угощали, чем могли, и просили в обмен рассказать о том, что происходит на земле Русской. Главный вопрос, мучавший всех людей без исключения, был: «Не прогнали ли еще проклятых татар?»

К сожалению, ничего сколько-нибудь утешительного ответить монахи не могли. Татары по-прежнему хозяйничали на Руси, и избавления от них не было. Русские войска были слишком слабы и малочисленны, чтобы справиться с несметною татарскою ордою. Каждый из князей готов был воевать лишь за свой удел, вместе же выступать не хотели и выгоды друг в друге не ведали.

Такова была печаль земли Русской, и, слыша о ней, жители лесные также огорчались и, прикидывая, сколько еще им в лесах горе мыкать, лишь тяжело вздыхали и проклинали врагов.

Дорога нынешняя казалась Роману вдвое легче прежней, хотя за день путники проходили столько же, если не больше, чем когда Роман шел один. Даже старец Феофан, несмотря на всю свою кажущуюся немощность, в пути оказался весьма крепок и резв.

Ничего необычного по дороге не приключалось. До Переяславля осталось совсем уже немного, когда Роману предоставился случай еще раз подивиться военному умению своих спутников, столь странному для монашеского сана.

Произошло это ввечеру, когда уставшие путники уже устроились на ночлег на небольшой лесной поляне, поросшей со всех сторон березами да осинками.

Разложили снедь, принялись за трапезу. Роман даже не понял толком, что произошло. Увидел только, как из-за ближайшего пятнистого березового ствола выглянула плоская рожа с раскосыми глазами. Прямо над головой Романа, чуть не задев волосы, просвистело что-то – стрела? Тут же раздался крик, и татарин упал на землю с ножом в груди.

Не было никакого сомнения в том, что нож бросил Федор. Роман этому и не удивился вовсе. Поразился он позже, когда, поднявшись, Федор извлек окровавленное лезвие из тела татарина и, уверенно пройдя еще несколько шагов, склонился над чем-то.

Роман поспешил приблизиться и увидел еще одного мертвого врага. Этот был пришпилен длинным охотничьим ножом к дереву и смотрел перед собой невидящими раскосыми глазами.

«Кто же второй нож бросил?» – пронеслось в голове у Романа, – «не с двух же рук Федор бросал, не в разные же стороны! Значит, Василий... Странные какие-то монахи, небывалые совсем!»

Роман все еще раздумывал над случившимся, когда уже на поляне Федор подошел к дереву, под которым сидел мальчик во время прерванной трапезы, и тихонько присвистнул. Что, кстати, для монаха тоже было очень странно.

– Гляди-ка, отрок, да ты в рубашке родился! – воскликнул он. – Еще бы немного, и не гулять тебе более по лесам!

Действительно, острая татарская стрела воткнулась в дерево чуть повыше того места, где находилась Романова голова.

– Значит, повезло мне, – буркнул мальчик, недоверчиво глядя на Федора. – Ты скажи мне лучше, монах, где ты так выучился ножи метать? И кто второй кинул?

Лицо Федора вмиг стало невероятно серьезным.

– Все-то тебе знать надо, отрок! Ну, да тайны тут нет – в наше время всяк за себя постоять уметь должен, хоть ты монах, хоть кто! Кроме силы да ловкости, хитрость тоже в цене – иной раз приходится соколу вороньи перья примерять... Больше я тебе ничего сказать не могу. Вот придем в Переяславль – может, что и прояснится для тебя. А пока давай-ка, как и прежде, в согласии бытовать, и ничему более не удивляйся! – Федор усмехнулся, – служители Божии, они, знаешь ли, тоже разными бывают!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.